

Ученик декоратора

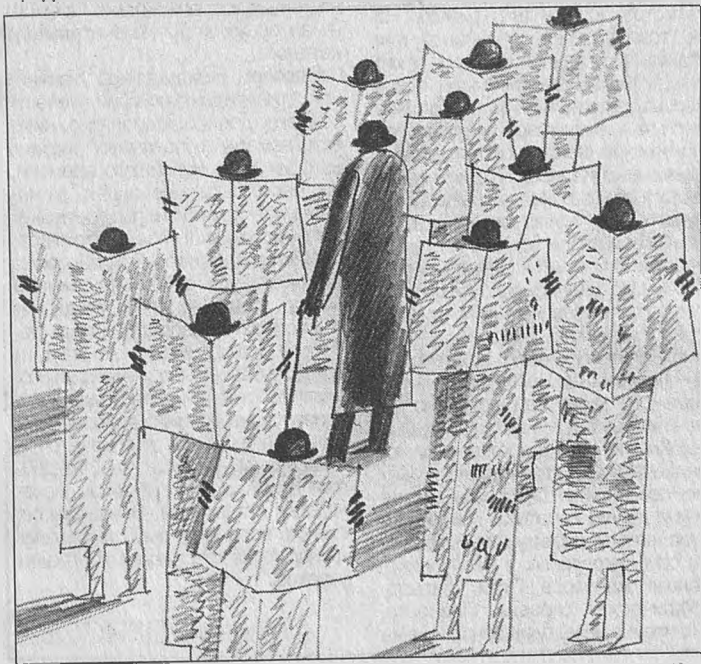
“Давид Боровский”.
“Артист. Режиссер. Театр”. М., 2002

Вышла в свет небольшая книжка, посвященная художнику. Театральному художнику. Книжка небольшая, а художник огромен по своей яркости и значимости в современном театре. Давид Боровский — эпоха в нашей сценографии, ее гордость и высочайшая точка отсчета. Театральные люди давно уже, правда, за глаза называют Боровского гением. Но трудно представить себе художника, менее, чем он, падкого на восторженные эпитеты в свой адрес. Скромность Боровского — столь же очевидное его отличие, как и блестящий талант. Вот и книжка вышла небольшого формата, в стильной серой обложке, без цветных иллюстраций — графически строгая, черно-белая. Тексты А.Михайловой и Р.Кречетовой обрамляют работы Боровского с двух сторон: Михайлова — в начале книги, Кречетова — в конце. Тексты замечательные, глубокие. В них — и биография, и история пути, и особенности манеры, и театральные сюжеты. Пишущие о Боровском абсолютно адекватны “предмету” своего исследования — ни общих фраз, ни выпендренных выражений, только концентрированная суть. Не зная биографии художника с удивлением обнаружат здесь, что Д.Боровский прошел школу поистине “ренессансную” — не в вузы поступал, а с 14 лет пошел в подмастерья к художникам Киевского театра им. Леси Украинки. Так, “растирая краски”, научился сочинять театральное пространство — сначала для Л.Варпаховского, потом для Ю.Любимова, потом для многих и многих режиссеров многих и многих театров. Конечно, имя Боровского связано в первую очередь с Театром на Таганке, с “Гамлетом”, “Деревянными конями”, “А зори здесь тихие”, “Обменом”... Но и с А.Эфросом (“Дон Жуан”, “Турбаза”), и с О.Ефремовым (“Иванов”, “Утиная охота”), и с К.Гинкасом (“Тамада”, “Палата №6”), и с М.Левитиным (“Нищий, или Смерти Занда”, “Живой труп”), и с Л.Додиныным (“Молли Суини”). Присутствие Д.Боровского в спектакле — гарантия прорыва из обыденности, из банальности решения, из “среднестатистической” среды оби-

тания героев. Его называют конструктористом, концептуалистом, художником, который насыщает пространство смыслом, конфликтом и действием. Все справедливо, и все по отношению к его сценическому миру неполно. Точнее, наверное, определила суть художника А.Михайлова, признав за ним и непревзойденного мастера условности, и дерзкого любителя театральной игры, и вместе с тем абсолютно “жизненного” сценографа. Действительно, не раз замечено, как в его графически четких, остроусловных пространствах возникали живые и теплые пятна пронзительно знакомого быта. Вязаный занавес “Гамлета”, мешки с песком “Медеи”, напоминающие древнюю, выжженную солнцем каменную кладку, кровавое пятно цыганского ковра в “Живом трупе”, стильно-безразличные скорлупки плетеных пляжных кресел в “Молли Суини”... Боровский, — конечно же, поэт, хотя, кажется, и математик, формулирующий каждый квадратный сантиметр сценического пространства. Иллюстрации в книжке надо рассматривать долго, вглядываться в неброские эскизы, фантазировать объем макетов, “сплюснутых” фотографическим изображением. Это занятие для гурмана, а любителей ярких картинок просим не беспокоиться. Бывший когда-то ученик декоратора — ныне негласный, но очевидный учитель сценографов, которые, будь сколь угодно разнообразны и талантливы, тайно на него оглядываются, спорят или вступают в диалог.

Книжка о Боровском хороша. Хотя слишком скромна для такого художника. Впрочем, эта первая за долгие годы “ласточка” от сценографических изданий радует необычайно. Глядишь, появится о Боровском еще что-нибудь, более объемное и полиграфически великолепное. А если совсем размахнуться, то можно представить себе еще и книги о С.Бархине, О.Шейнцисе и многих других замечательных художниках нашего театра.

Наталия КАМИНСКАЯ

Д.Боровский. Рисунок к спектаклю “Доктор Штокман”. 1968 г.

Книжка вышла. -- 2002 -- 11 -- 17 апр. -- 09